

Mg.iur., **Марк Строжев**, докторант
Балтийская международная академия
Докторская программа «Юридическая наука»
Латвия

Баланс интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме

Аннотация. Работа посвящена проблемным аспектам баланса интересов правообладателей и пользователей произведений в цифровой форме. Автором рассмотрены существующие препятствия к установлению такого баланса, порядок установления исходного баланса, поддержание имеющегося баланса, предотвращение нарушения баланса и восстановление нарушенного баланса. На основе анализа сложившейся ситуации в сфере цифрового права, исследуются этапы и проблемы становления правового регулирования в отношении произведений в цифровой форме. Целью работы является обзор и изложение подходов, по вопросам формулирования понятия «баланс интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме».

Ключевые слова: авторское право, произведения в цифровой форме, баланс интересов правообладателей и пользователей, концепции баланса интересов.

Введение: проблемы авторского права в цифровой среде

Авторское право на произведения в цифровой форме понимается, как комплекс исключительных прав, который сосредоточен на интеллектуальной и творческой деятельности лиц в цифровой среде, а также на правовой судьбе продуктов, созданных этой деятельностью и размещенных в цифровой среде. Особенностью данной деятельности является то, что осуществляется она в особом – технологическом и правовом – пространстве. Технические новшества, которые, казалось бы, представляют собой «лишь» отдельные аспекты в правовой теории или отдельные аргументы в судебном споре, по мере развития технологических инфраструктур создали новую нормативную реальность. Эта реальность потребовала своего закрепления в законодательстве, в правоприменительной практике, а также осмысления в юридической доктрине. Соответственно, развитие цифровых технологий привнесло в авторское право целый ряд новых проблем, главной из которых стало противоречие между запретительным

характером авторского права (т.е. правом копирования – *copyright*) и технологической средой, в которой копирование является основной ее функционирования (сетью Интернет). Актуальной стала проблема получения авторами вознаграждения за использование произведений в цифровой форме. При этом сами произведения в цифровой форме являются основой современной экономики – экономики знаний, и, следовательно, должны быть широко доступны. Создание произведений в цифровой форме и оцифровывание произведений ведут к образованию огромного массива знаний, росту количества информации, появлению цифровых библиотек. Клиринг расчетов за использование цифровых произведений и логистика получения произведений в цифровой форме представляют собой отдельную проблему авторского права в цифровой форме. Идеальным состоянием, в котором вышеназванные проблемы могли бы быть решены, является состояние баланса интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме. Поиск подходов к достижению данного баланса

является актуальной проблемой информационного и авторского права. К настоящему моменту, сложился ряд аспектов и представлений, которые призваны сблизить различия в определениях того, чем является этот самый баланс интересов для цифрового авторского права.

Наличие в авторском праве элементов, как частного права, так и публичного права, делает этот институт права комплексным, призванным координировать и связывать в единую целостность правовое регулирование императивными и диспозитивными методами. Такое единство может быть достигнуто только в четко поставленной правовой цели. Правовой целью, сферы регулирования авторско-правовых отношений в цифровой среде, могло бы стать уменьшение конкуренции между подходами, с применением административных и уголовных мер, с одной стороны, и гражданско-правовых мер, с другой стороны.

Будучи институтом частного права, авторское право выступает в виде правил, регулирующих поведение лиц в сфере интеллектуальных и творческих занятий и в отношении результатов таких занятий. В этих правилах поведения реализуются собственные интересы лиц и эти правила обязательны для суда и других государственных органов, к которым лица могут обращаться за защитой. Публичное право, по отношению к авторскому праву, состоит из совокупности обязательных правил поведения, исходящих от государства, направленных на реализацию прав и интересов авторов и правообладателей, а также правомерных пользователей произведений. Государство охраняет права авторов и их творческую деятельность, равно как и результаты такой деятельности, от нарушений силой государственного принуждения. Баланс интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме оказывается соблюденным при должном состоянии правовой охраны авторского права, юрисдикционной и неюрисдикционной защите исключительных прав, составляющих авторское право, а также при борьбе с нарушениями авторского права в цифровой среде. Опыт последних 20-ти лет позволил определить приоритеты в регулировании авторского права в цифровой среде и сформулировать подходы, в которых учитываются и координируются интересы

правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме.

Значимость поднимаемых в работе проблем подчеркнута тем, что гармонизация законодательств национальных государств и законодательных инициатив в сфере цифрового авторского права исходит как от международных организаций (Всемирная организация интеллектуальной собственности, Всемирная торговая организация, Европейский Союз), так и от стран-лидеров в вопросах технологического развития, прежде всего США. Подход, связанный с рецепцией нормативно-правовых актов, ранее имплементированных в США (прежде всего, *The Digital Millennium Copyright Act of 1998, DMCA* [1]), в законодательства государств, с континентальной системой права, оказывается ограниченным в своем применении. Законодатель ЕС вынужден искать общие решения и общие подходы, которые позволили бы согласовывать общеевропейские нормы и требования к сфере авторского права в цифровой среде с устоявшимися традициями законодательства стран-участниц.

К анализу и выработке законодательных предложений и подходов, в сфере регулирования авторского права в цифровой среде, привлечены ведущие эксперты и специалисты в вопросах права интеллектуальной собственности, прежде всего, в Европе и в США. В 2011 году к 10-летию принятия Директивы Европейского парламента и Совета от 22 мая 2001 года «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» (Директива 2001/29/ЕЕС или Директива INFOSOC [2]) в свет вышел сборник статей и материалов, в которых проанализирован опыт имплементации подходов, изложенных в Директиве INFOSOC, в законодательства всех 27-ми (на 2011 год) стран-участниц ЕС [3]. Среди работ, вошедших в данный фундаментальный сборник, следует отметить анализ Договоров Всемирной организации интеллектуальной собственности и их влияния на правовое регулирование авторского права в цифровой среде (*Brigitte Lindner*, 2011) [3, pp.3-26], а также исследование, посвященное влиянию Директивы INFOSOC на информационное общество (*Ted Shapiro*, 2011) [3, pp.27-56]. В сборнике представлена статья

латвийских юристов (*Janis Bordans, Ingrida Veiksa*, 2011 [3, pp.320-327]), посвященная подробному анализу имплементации Директивы INFOSOC в законодательство Латвии.

Среди других работ Латвийских авторов, посвященных теме авторского права на произведения в цифровой форме, следует отметить работы автора данной статьи – Марка Строжева (*Marks Strozevs*, 2012, 2013 [4-7]).

Анализу исторических изменений авторского права под влиянием технологических инноваций посвящены труды профессора Бернта Хугенхольца (*P. Bernt Hugenholtz*, 2007, 2012 [8, pp.179-196]). Проблемам и вопросам поиска приемлемых подходов в регулировании оборота объектов авторского права в цифровой форме в последние годы посвящено значительное число работ, как монографий, так и отдельных публикаций, в основном в таких периодических изданиях, как *European Intellectual Property Review*, *International Review of Intellectual Property and Competition Law*, *Entertainment Law Review* и в ряде других. Обзор всех работ по данной тематике представляет собой значительный объем и выходит за рамки данной работы.

Настоящее исследование ставит **целью** изучение следующих вопросов: анализ правовой преемственности в регулировании авторского права в условиях инноваций и новых технологий; анализ подходов к исключительным правам, составляющим авторское право в цифровой среде; обзор мер и подходов в создании и поддержании баланса интересов в цифровом авторском праве. Настоящая работа обладает новизной, поскольку впервые дает обзор и изложение концепций, в которых сформулированы различные представления о балансе интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме.

Произведения в цифровой форме: технологические инновации и авторское право

Для анализа изменений, которые цифровые технологии внесли в авторское право, уместным представляется обращение к предшествующей волне технологических инноваций и ее влиянию на авторское право. Авторское право в доцифровую эпоху, т.е. до появления цифровых сетей и технологий, предоставило охрану произведениям и исключительным правам на

них, на основании либо Бернской конвенции 1886 года [9], либо Женевской конвенции 1952 года [10]. Начиная с 1960 года, Римская конвенция расширила набор исключительных прав на произведения, введя конструкцию смежного права и, соответственно, его носителей: исполнителей, продюсеров, радио и телеведущих. Сложившееся законодательство и правоприменительная практика авторского и смежного права вполне удовлетворяли сферу общественной жизни, связанную с производством и потреблением произведений.

Такая конструкция авторского и смежного права не была поколеблена, несмотря на появление технических устройств, которые позволяли индивидуальными усилиями частных лиц производить копирование произведений. Такими устройствами стали магнитофоны, промышленное производство которых, для массового потребителя, было налажено германской компанией *Grundig* в начале 50-х годов XX-го века. Усилия звукозаписывающих компаний, сохранить монополию на копирование музыкальных произведений и обложить пошлиной домашнее (частное) копирование при помощи магнитофонов, привели к ряду судебных разбирательств в судах ФРГ в 1952-1964 годах. Несмотря на то, что решения судов ФРГ подтвердили основной тезис доктрины авторского права – авторское право заканчивается там, где начинается личное (домашнее) использование, тем не менее, эти решения указали на другой важный аспект копирования. Суд счел, что способность технического устройства производить почти идеальные копии, непосредственно подрывает продажи носителей, на которых записаны произведения [8, pp.184, 186]. И правообладатели прав на произведения не обязаны нести в связи с этим убытки. Реформа Закона об авторском праве ФРГ 1965 года [12] ввела пошлину, уплачиваемую в пользу коллективных организаций авторов, но пошлину не на копирование, а на технические устройства по такому копированию. В дальнейшем, обложение пошлиной технических устройств по копированию произведений стало воспринятой новацией для законодательств по авторскому праву большинства стран. С появлением цифровых технологий и носителей цифровой информации, обложение пошлиной за частное копирование было распространено

на устройства для записи CD- и DVD-дисков, сами пустые CD- и DVD-диски, проигрыватели mp3-файлов, устройства flash-памяти, внешние жесткие диски, мобильные телефоны и другие устройства, позволяющие производить запись на них и копирование.

В доцифровую эпоху, ситуация, сложившаяся в связи с появлением магнитофона (а позже и видеомангнитофона), как технического средства для копирования произведений в частном порядке, оказалась вполне приемлемой и сбалансированной для интересов авторов, правообладателей и пользователей произведениями. Несмотря на то, что такое копирование потенциально могло носить промышленный масштаб, для нанесения существенного ущерба правообладателям авторского и смежного права требовалась дистрибуция контрафактных копий. Пресечение дистрибуции и торговли контрафактной продукцией в коммерческих масштабах стало предметом эффективной юрисдикционной и неюрисдикционной защиты авторского и смежного права, а также борьбы с нарушениями исключительных прав. Использование произведений для общественных нужд без уплаты вознаграждения правообладателям оказалось урегулированным «трехступенчатым тестом», введенным в Бернскую конвенцию ее Стокгольмской редакцией в 1967 году [12]. Поддержание баланса интересов правообладателей и коммерсантов, осуществляющих дистрибуцию произведений, в доцифровую эпоху, выполнял механизм лицензирования и соответствующих лицензионных соглашений.

С появлением цифровых технологий и сетей (особенно сети Интернет в 1990 году), которые сделали возможным совершать копирование произведений в цифровой форме, баланс интересов авторов, правообладателей и пользователей произведениями оказался нарушенным, а сама ситуация, при которой такой баланс возможен, оказалась неопределенной. Во-первых, копирование произведений в цифровой форме позволяет получать копии, которые по качеству не отличаются от оригинала – различить оригинальное произведение в цифровой форме от контрафактной копии стало невозможным. Во-вторых, такое копирование стало не только простым, но и часто «непроизвольным» для пользователя. В-третьих, сеть Интернет – или Все-

мирная паутина – стала многофункциональным средством доставки цифровой информации без усилий и затрат в любую точку сети Интернет, где имеется конечный пользователь произведений. В-четвертых, доступ в сеть Интернет и право на доступ к любой информации посредством сети Интернет стали рассматриваться в ряду других прав человека – наряду с классическими правами и свободами, декларируемыми Объединенными Нациями для всего человечества. Эта ситуация потребовала своего правового урегулирования. Уже в 90-е годы XX-го века, в среде юристов и законодателей сложилось определенное мнение, позднее точно сформулированное в пункте 5-м Декларативной части Директивы INFOSOC [2]: «Не требуется никаких новых концепций для защиты интеллектуальной собственности, и действующие законодательства об авторском праве и смежных правах должны быть адаптированы и дополнены для адекватного реагирования на такие экономические реалии, как новые формы эксплуатации произведений, охраняемых авторским правом». Таким образом, с позиций доктрины, авторское право на произведения в цифровой форме продолжает рассматриваться, как комплекс исключительных прав. Оно выступает как ослабленное абсолютное право, т.е. в отношении него у всех других участников правоотношений действуют только обязанности, и оно ограничено изъятиями и исключениями. В отношении судьбы продуктов, созданных творческой или интеллектуальной деятельностью, авторское право дает право запрещать использование авторского произведения другими лицами – в этом отношении это запрещающее, негативное право. Нарушения авторского права подлежат правовой охране и защите, а также противодействию и борьбе с ними.

Первыми решительными действиями по модернизации нормативно-правовой базы авторского права в цифровую эпоху стали международные соглашения, принятые под эгидой Всемирной торговой организации и Всемирной организации интеллектуальной собственности: Соглашение ТРИПС 1994 года [13], Договор ВОИС об авторском праве 1996 года [14] и Договор ВОИС о фонограммах и исполнениях 1996 года [15]. К объектам, охраняемым авторским и смежным правом, с появлением

цифровых технологий добавились компьютерные программы (машиночитаемые произведения, которые существуют только в цифровой форме) и базы данных в цифровом формате. В 1980 году Закон США об авторском праве [16] предоставил компьютерным программам правовую охрану как для произведений, охраняемых авторским правом в том понимании, как это определено Бернской конвенцией. В 1991 году Совет Европейского Сообщества издал Директиву № 91/250/ЕЭС о правовой охране компьютерных программ [17]. Директива 96/9/ЕС по юридической охране баз данных, принятая Парламентом ЕС и Советом 11 марта 1996 года [18], предоставила правовую охрану базам данных, включая базы данных в цифровой форме, причем охрану на двух уровнях: как объектов авторского права и как особой категории прав интеллектуальной собственности (охрана баз данных *sui generis*).

Исключительные права на произведения в цифровой форме: адаптация и доктрина исчерпания

Таким образом, к произведениям, охраняемым авторским правом и существующим в цифровой форме, следует отнести: литературные произведения, музыкальные произведения, визуальные и фотографические произведения, аудиовизуальные и мультимедийные произведения, компьютерные программы, базы данных в цифровой форме. Договор ВОИС об авторском праве 1996 года и Договор ВОИС о фонограммах и исполнениях 1996 года, а следом за ними (и в связи с ними) Директива INFOSOC определили, что исключительные права, предоставляемые Бернской конвенцией авторам и правообладателям, сохраняют свою силу и для произведений в цифровой форме, в той же мере, в которой они имеются для произведений в нецифровой форме. Все, что имеет силу за пределами сети Интернет (*offline*), должно иметь такую же силу и в сети (*online*). Однако в связи с интерпретацией и определением специфики действия исключительных прав для произведений в цифровой форме, возникли серьезные проблемы, которые потребовали адаптации нормативно-правовых актов ЕС к уже существующим законодательствам стран-участниц. В частности, при определении исключительного права

сделать доступным произведение в сети Интернет, потребовалось отличить это определение от определения других прав согласно Бернской конвенции, таких как вещание (*broadcasting*), сообщение публике, дистрибуция или сдача в аренду (*rental*), в условиях нахождения произведения в сети Интернет. Возникшие в связи с этим противоречия были сняты за счет, так называемого, «зонтичного решения» (*umbrella solution*). Стороны-участницы Договоров ВОИС получили возможность юридически сформулировать данное право способом, наиболее соответствующим их правовым региональным и национальным системам, в соответствии с предоставленной им «относительной свободой юридического описания» (*relative freedom of legal characterization*) [3, p.18]. Директива INFOSOC однозначно определила, что исключительное право сделать доступным произведение в сети Интернет должно оставаться в руках авторов, а не быть просто правом коллективных организаций на получение вознаграждения. Также исключительное право баз данных (*sui generis right*) не должно ограничиваться принципом страны происхождения, и такая модификация применения данного права должна быть учтена национальными законодательствами.

Использование произведений, их трансляция через Интернет-радио, телевидение в режиме *simulcasting* (аналогично *broadcasting* для телевизионного вещания) ставит перед операторами, осуществляющими такую трансляцию, вопрос о величине роялти (*royalty*), которые следует уплачивать авторам. Принцип расчетов, за использование авторских прав при трансляции через Интернет, на основании процентных норм от стоимости лицензии и/или размещенной рекламы, делает этот вопрос схожим с вопросом об использовании авторских прав и уплаты роялти при передаче телевизионных программ по кабельным проводам или через эфир. Вопрос о домашних аудио- и видеозаписях, сделанных при передаче произведений по сети Интернет, урегулирован аналогично тому, как он урегулирован в случае домашних записей передач телевизионных программ, переданных по кабельным проводам или через эфир. За использование авторских прав, в отношении домашних записей, роялти уплачивается, как бы авансом, при покупке каждого записывающего

устройства или чистого носителя, на котором домашняя запись может быть осуществлена. Соответственно, Директивы 91/250/ЕЕС, 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС нашли свое воплощение в Законе об авторском праве Латвии [19], в отношении исключительных прав на произведения в цифровой форме.

В отношении права распространения произведений в цифровой форме, действует доктрина «первой продажи» (*first sale doctrine*), характерная для законодательств англо-американской системы права или, по-другому, доктрина «исчерпания» (*exhaustion doctrine*) для законодательств континентальной системы права, согласно которой правомочия правообладателя авторского права на соответствующий объект авторского права «исчерпываются» после его первой легальной продажи. В дальнейшем правообладатель не может контролировать перепродажи этого объекта авторского права. Однако суды США в своих решениях приняли сторону продавцов компьютерных программ и последние получили право усиленного контроля над дальнейшим распространением компьютерных программ. В противоположность таким решениям судов США, Суд ЕС в 2012 году в своем решении по делу *UsedSoft GmbH v Oracle International Corp.* [20] постановил, что принцип «исчерпания» также относится и на распространение программного обеспечения, полученного путем загрузки из Интернета. Возникшее различие в трактовке «исчерпания» прав на компьютерные программы в США и в Европе на деле отдаляет достижение искомого баланса интересов правообладателей и пользователей компьютерными программами, поскольку глобальный характер сети Интернет позволяет производить копирование программ из любой юрисдикции.

Кроме того, следует отметить, набравшее серьезную силу движение сторонников «открытого программирования». Дело в том, что у компьютерных программ и их копий имеется возможность использования, отсутствующая у традиционных объектов авторского права. Использование компьютерных программ, при котором выявляются идеи и принципы функционирования компьютерных программ, компьютеров и их сетей, привело к появлению

особенностей в использовании авторами своих авторских правомочий, в отношении программного обеспечения. Эта особенность получила название свободного программного обеспечения, или «открытого программирования», и состоит в том, что авторы компьютерных программ отказываются от своих авторских прав на разработанные ими компьютерные программы. Сторонники «открытого программирования» настаивают на том, что негативный характер авторского права, запрещающий копирование программ, препятствует свободному развитию сферы интеллектуальной деятельности по созданию программного обеспечения [21]. Чтобы поместить компьютерную программу под действие «открытого программирования», сторонники подхода сначала объявляют свои авторские права на нее. В дальнейшем, к установленным авторским правам, добавляются условия распространения, являющиеся правовым базисом, согласно которому каждый пользователь получает права использования, модификации и распространения программного кода, а также любых производных программ на условии, что правила распространения неизменны. Отказ сторонников «открытого программирования» от авторских прав в отношении разработанного ими программного обеспечения нельзя отнести к изъятиям из авторского права, предусмотренным в законодательном порядке. Следует отметить, что движение сторонников «свободного программирования» вызывает крайне резкое и негативное отношение у разработчиков общеевропейских нормативно-правовых актов. Для последних, идеалом представляется единообразное регулирование всей сферы авторского права на произведения в цифровой форме, без каких-либо исключений для объектов авторского права, которые могли бы носить «непроприетарный» характер.

В качестве эффективного средства предупреждения конфликта пользователя с правообладателем и соблюдения необходимого баланса их интересов, следует признать определение в лицензионных соглашениях сферы использования произведения и предоставление всех необходимых правомочий. Само договорное право также является существенным ресурсом для решения проблем авторского права в сети

Интернет. Каждый объект авторского права, размещенный в Интернете, имеет свою специфику, которая отражается на возможности совершения нарушений в его отношении. Нарушенными оказываются, или могут оказаться, различные правомочия авторов. В этом отношении, присутствие в институте авторского права как диспозитивных, так и императивных норм, создает опасную конкуренцию норм и является источником повышенной конфликтности в сфере оборота произведений в цифровой форме. К обсуждению вопросов такой реформы авторского права на произведения в цифровой форме, которая в большей степени учитывала бы интересы пользователей, подключились общественные движения и движения Интернет – активистов, обеспокоенных нынешним положением дел в данной сфере [22]. За общественными и Интернет – движениями стоят многие миллионы избирателей и, в то же самое время, пользователей Интернета. Со столь многочисленным избирательским корпусом законодателям приходится считаться. Влияние общественных и Интернет – движений, выражающих интересы избирателей, стало сравнимым по силе с влиянием лоббистов могущественных правообладателей, и даже оказалось сильнее, когда общественные протесты на улицах и площадях остановили продвижение и имплементацию в национальные законодательства многостороннего международного соглашения по борьбе с контрафакцией (*Anti-Counterfeiting Trade Agreement* – АСТА, 2010 [23]). Усиление дискреционных полномочий административных органов, которое предусматривало Соглашение АСТА, могло увести правоприменительную практику в отношении нарушений авторского права на произведения в цифровой форме в сторону применения доктрины объективного вменения, устанавливающей ответственность лица без установления его вины [4, pp.80-87]. Конфликтность ситуации, которая складывается при конкуренции диспозитивных и императивных норм в регулировании авторского права на произведения в цифровой форме, серьезно мешает установлению баланса правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме.

Правовая стратегия в достижении баланса интересов: соблюдение и реализация права, правовая охрана, защита и борьба с нарушениями

Для решения проблем установления и поддержания баланса интересов правообладателей и пользователей, существенное значение приобретает выработка правовой стратегии, в которой определены приоритеты использования всех правовых механизмов. Очевидно, что подобная стратегия должна включать в себя установление исходного баланса, поддержание имеющегося баланса, предотвращение нарушения баланса и восстановление нарушенного баланса. В такой стратегии должны найти свое место как меры гражданско-правового регулирования оборота произведений в цифровой форме, так и меры правовой охраны и защиты авторского права в цифровой среде, а также и меры борьбы с нарушениями авторского права.

Правовая охрана (*legal protection*) авторского права на произведения в цифровой форме понимается как установление нормами права (правом в объективном смысле) общего режима ценностей, в силу которого носитель права может извлекать выгоды при его осуществлении. Охрана предоставляется лицу, которое в меньшей степени способно противостоять ущербу, который ему наносится или может быть нанесен. Для защиты своих прав, субъекты авторского права могут обращаться в суд – правовая защита подразумевает использование права в субъективном смысле, т.е. к защите своего права уполномоченное лицо прибегает по собственной воле и усмотрению. Законом об авторском праве Латвии, защита прав субъектов авторского права от нарушений определена как обращение в суд в исковом порядке. По ходатайству истца, суд по этим делам может применить установленные Гражданским процессуальным законом [24] средства обеспечения иска, также для предотвращения или прекращения нарушения прав. С 1 марта 2007 года вступили в силу поправки к Гражданско-процессуальному закону Латвии (глава 30.2). Данные поправки являются имплементацией норм Директивы об осуществлении прав интеллектуальной собственности [25] в части, касающейся временных и предупредительных

мер (*Provisional and precautionary measures*). Наряду с прежним порядком рассмотрения дел, поправки добавили установление временной защиты. Если у автора имеются основания считать, что его право нарушается или могло быть нарушено, то суд по мотивированному заявлению истца может принять постановление об установлении временной защиты. К средствам временной защиты отнесено наложение ареста на такое движимое имущество, которым, возможно, нарушается право интеллектуальной собственности, а также вынесение запрета на осуществление определенных действий, как для ответчика, так и для лиц, услуги которых используются с целью нарушения, или лиц, которые делают возможным такое нарушение. При этом истец должен представить в суд доказательство того, что его права нарушаются или могут быть нарушены. При получении заявления от истца судья принимает соответствующее решение *ex parte*.

Однако как показывают исследования [26], сама цифровая форма произведения является характеристикой не его материального статуса, как объекта правоотношений, а характеристикой доступа. Произведение в цифровой форме может быть определено, как объект правоотношений в контексте правовых и организационных действий, которые делают его доступным, причем на таком уровне доступности, какой определен соглашением между участниками правоотношений: автором/правообладателем, с одной стороны, и пользователем, с другой стороны. Правоотношения исключительных прав оказываются уже «менее» абсолютными, поскольку пользователь выступает уже не только как обязанное лицо. Правообладателю прав на произведение в цифровой форме приходится считаться с наличием у пользователя прав на доступ к произведению в цифровой форме. В этой связи, баланс интересов в отношении произведений в цифровой форме представляет во многом проблему соблюдения и реализации частного права. Авторские права оказываются соблюденными при наличии взаимно координированных действий обладателей и пользователей объектов авторского права в отношении этих объектов. Соответственно, не возникает необходимости в действиях по правовой защите авторского права. Интенсификация оборота ав-

торской продукции (произведений в цифровой форме), к чему было призвано создание сети Интернет, и коммерциализация этого оборота, чему также в огромной степени способствовало распространение Всемирной паутины, нарушают координацию действий по копированию и дальнейшему использованию копий, размещенных в Интернете. Ввиду презумпции вины нарушителя, действующей в частном праве, защита авторского права в сети Интернет может быть определена как обоснованные меры против нарушителей субъективного права [27, p.225]. Эти меры, наряду с обоснованностью, характеризуются также тем, что они основаны на законе и определены в процессуальном порядке. Также эти меры могут быть вызваны обстоятельствами, определенными в законе, и тогда имеет место самозащита. При этом защита мерами гражданского права направлена, прежде всего, на восстановление нарушенного права или на возмещение ущерба, позволяющее произвести компенсацию или предоставить его эквивалент. Однако законодатель США наделил самозащиту правообладателей объектов своих прав (при помощи средств технологической защиты, *technological protection measures* – TPM) законодательной функцией защиты этих прав. Обход (*circumvention*) TPM по закону DMCA является правонарушением и подлежит уголовному или административному преследованию, без установления факта того, является ли конкретный способ доступа к произведениям в цифровой форме противоправным действием или нет.

Серьезность, распространенность и массовость нарушений авторского права в сети Интернет наносит ущерб и вызывает озабоченность, как у правообладателей авторского права, так и у правоохранительных институций. Противодействие нарушениям авторского права и борьба с нарушениями авторского права или других прав интеллектуальной собственности, подразумевает использование метода публичного права для превентивных и профилактических целей [28]. Противодействие нарушениям авторского права является прерогативой субъекта публичного права и выполняет функции обеспечения правопорядка. Соответственно борьба с нарушениями авторского права в сети Интернет не может рассматриваться как защита субъективного права до тех пор, пока противодействие нарушениям

остаётся действием административного органа. Борьба с нарушениями авторского права начинает выполнять функцию защиты субъективного права настолько, насколько в процессуально установленном порядке конкретная мера противодействия нарушению авторского права может быть оспорена в вышестоящей инстанции административного органа или в суде.

Несмотря на то, что арсенал мер правовой охраны, правовой защиты и борьбы с нарушениями (противодействия нарушениям) авторского права на произведения в цифровой форме, разработан достаточно детально, основное внимание европейских и национальных законодателей, в последнее время, сосредоточено на вопросах соблюдения и реализации авторского права в цифровых сетях, прежде всего, за счет использования механизмов лицензирования. Понимание того, что чрезмерное использование мер административной и уголовной защиты приведет к появлению огромного числа потенциальных нарушителей авторского права, постепенно стало ведущим в среде разработчиков норм, регулирующих оборот произведений в цифровой форме. Именно в технологических инфраструктурах сочетание мер правового, организационного и технологического порядка позволяет реализовать охранительный потенциал права и, соответственно, установить и поддержать необходимый баланс интересов участников авторско-правовых отношений в цифровой среде.

Баланс интересов правообладателей и пользователей произведениями в цифровой форме: анализ подходов

Абсолютный характер авторского права, с появлением произведений в цифровой форме, оказался сильно потесненным. Массовое распространение произведений в сети Интернет, доступность произведений, копирование произведений в цифровой форме при осуществлении простейших действий (можно сказать, произвольных действий), – все это стало одной из сторон, с которой был подвергнут сомнению негативный характер авторского права. Рост возможностей, предоставленных сетью Интернет, а также огромный образовательный, деловой, развлекательный и рекреационный потенциал Всемирной паутины,

оказались востребованы даже той частью населения, которая до появления Интернета и не занималась потреблением произведений в цифровой форме. Огромное культурное значение произведений в цифровой форме и сети Интернет оказалось в центре внимания правительств ряда стран и международных организаций. Именно они, вместе с рядом крупных медийных корпораций, выступили инициаторами оцифровывания произведений и создания цифровых библиотек.

Генеральный Департамент Внутреннего рынка и услуг ЕС приступил к решительной реформе авторского права в сфере цифровых технологий в 2000-ые годы. Позиция данной реформы состоит в обеспечении максимально полного доступа к цифровым товарам и услугам в ЕС при строгом соблюдении основополагающего принципа авторского права – получении авторами вознаграждения за использование своих произведений в цифровой форме. Реформа проводится с опорой на исследования и контакты с заинтересованными в данной проблематике сторонами. Принят ряд ключевых для сферы цифрового авторского права Директив ЕС. Кроме того, в последние 10-15 лет, накоплен опыт рассмотрения судебных дел, как в национальных судах, так и в Суде ЕС, посвященных проблемам произведений в цифровой форме. Все это позволяет выделить и определить те подходы, которые могут рассматриваться, как позволяющие установить исходный баланс, поддержать уже имеющийся баланс, предотвратить нарушения баланса и, при необходимости, восстановить нарушенный баланс.

Различные представления о балансе интересов правообладателей и пользователей объектами авторского права в цифровой форме, так или иначе, сформулированные на уровне правовых принципов, могут быть изложены следующим образом:

1. Пропорциональность мер по защите авторского права

Важным шагом, в формулировании этого представления о балансе интересов, явилось решение суда ЕС по делу *C-275/06 Promusicae v Telefonica* [29]. Суд постановил, что государствам-членам ЕС разрешено принимать законодательные меры ограничения конфи-

денциальности персональных данных (для их раскрытия) для гражданских разбирательств, когда такое ограничение необходимо для охраны прав и свобод других лиц, чьи права нарушены. Однако если государства-члены решат ввести законодательство, обязывающее выдачу таких данных, то при имплементации Директив ЕС об интеллектуальной собственности и защите персональных данных [2, 25, 30, 31], государства-члены должны будут основываться на таком толковании Директив, которое бы позволяло сохранить баланс между различными основными правами, защищаемыми правом порядком ЕС на основе принципа пропорциональности. Соответствующая формулировка изложена в деле C-101/01 (дело о публикации сведений о частной жизни других людей в Интернете), пункт 87 [32], и в деле C-305/05 (о Европейском ордере на арест), пункт 28 [33]. Суд ЕС отметил в пункте 53 решения: «Очевидно, что список исключений (по которым может применяться раскрытие информации) в пункте 1 статьи 15 Директивы 2002/58 заканчивается ссылкой на пункт 1 статьи 13 Директивы Европейского Парламента и Совета Европы 95/46/ЕС «О защите личности в отношении обработки персональных данных и свободном обращении этих данных» [34]. Это положение также разрешает государствам-членам принимать законодательно меры ограничения конфиденциальности персональных данных, когда такое ограничение необходимо для охраны прав и свобод других лиц. Так как положения пункта 1 статьи 15 Директивы 2002/58 не определяют затрагиваемые права и свободы, эти положения должны толковаться, как выражающие намерение законодательства Сообщества не исключать из их сферы действия охрану прав собственности в ситуациях, в которых авторы ищут защиты в гражданских разбирательствах».

Таким образом, применение мер защиты авторского права на произведения в цифровой форме не должно быть ни чрезмерным, ни недостаточным, а позволяющим поддерживать баланс интересов обладателей и пользователей объектами авторского права на произведения в цифровой форме.

2. Приоритетное использование мер гражданско-правового регулирования (лицензирование и т.д.) в противовес уголовно-правовым и административно-правовым мерам

В основу данного подхода лег доклад Федерального Совета Швейцарской Федерации «Сообщение Федерального Совета о неправомерном использовании произведений в Интернете» от 30 ноября 2011 года [35]. В ответ на поручение Совета кантонов Швейцарии от 19 марта 2010 года, Федеральный совет провел обстоятельную проверку и изучение вопроса о том, необходимы ли мероприятия против нарушений авторского права. Доклад подтвердил, что имеющаяся у государства власть позволяет противиться недозволенному использованию произведений в Интернете, в промышленных масштабах. Однако осознавая эти данные, доклад, тем не менее, констатировал общий вывод о том, что действующий закон об авторских правах, в соответствии с которым копирование защищенных авторским правом материалов для личного пользования разрешено, не должен измениться. Доклад подчеркнул, что имеется возможность найти технологии для применения Интернета вместо того, чтобы подавлять развитие Интернета и его возможностей. Даже в ситуации, когда пиратство процветает, медиа-компании не обязательно теряют деньги. Несмотря на то, что швейцарские граждане скачивают пиратскую музыку, фильмы и игры из Интернета, они из-за этого не тратят меньше денег, так как средний бюджет на развлечения у них достаточно постоянный. Другие ограничительные меры также должны быть отклонены, так как это повредит свободе слова и нарушит законы защиты частной жизни. Таким образом, общим заключением доклада стало то, что развлекательная индустрия должна адаптироваться к изменению потребительского поведения. Швейцарские парламентарии высказались с определенностью, что не собираются менять законодательство о копировании произведений в цифровой форме, т.к. не было получено доказательств того, что такое копирование негативно влияет на национальную культуру.

Также, в рамках данного подхода, лежит отказ законодателей большинства стран от имплементации в свои законодательства ограничительных мер, изложенных в Соглашении АСТА [23].

3. Гармонизация списка изъятий и исключений из авторского права для пользователей, исходя из публичных интересов, оставление такого списка на усмотрение институций государственного или регионального уровня, интерпретация трехступенчатого теста, исходя из должного функционирования рынка и юридических традиций стран

Данный подход изложен в положениях 31-35 Декларативной части Директивы INFOSOC, особенно в 31 пункте: «Стоит поддерживать надлежащее равновесие в сфере прав и интересов между различными категориями правообладателей, а также между ними и пользователями охраняемых объектов. Нынешние исключения и ограничения прав, в том виде в каком они предусмотрены в Государствах-членах, должны быть пересмотрены в свете новой электронной среды. Различия, существующие на уровне исключений и ограничений из некоторых актов, подчиненных оговоркам, имеют прямое негативное влияние на функционирование Внутреннего рынка в сфере авторского права и смежных прав. Эти различия могут акцентироваться с развитием эксплуатации произведений вне границ и трансграничной деятельностью. Для обеспечения хорошего функционирования Внутреннего рынка, эти исключения и ограничения должны быть определены более гармоничным способом. Уровень унификации должен зависеть от влияния этих исключений и ограничений на хорошее функционирование Внутреннего рынка».

Однако данные положения Директивы оказались под острой критикой исследователей применения Директивы, которые отмечают, что положения Директивы предоставляют чрезмерные дискреционные полномочия законодателям стран ЕС при том, что определения данных положений сформулированы, как дающие преимущества правообладателям, и менее учитывающие общественные интересы.

4. Гибкость в сочетании технологических мер защиты с устоявшимися правовыми традициями и существующими законодательствами, компромисс между технологическими мерами защиты и исключениями

Суд Евросоюза в решении по делу *Nintendo v PC Box* [36] определил допустимые пределы применения технологических мер защиты (TPM). Поскольку закон запрещает их обход, правообладатель самостоятельно устанавливает правила использования произведения. При этом, защищая свои интересы, правообладатель может выбрать такие меры, которые существенно ограничат возможности и права широкого круга пользователей. Суд Евросоюза постановил, что правовую охрану от обхода TPM должны иметь такие технологические меры защиты, которые ограничивают только те действия третьих лиц, которые предусмотрены законом. Если же меры защиты становятся непропорциональными, и ограничивают предоставленную законом сферу свободы пользователей, то в защите таких мер от обхода суд вправе отказать. Суд подчеркнул, что предоставление охраны должно соответствовать принципу пропорциональности, в соответствии со статьей 6(2) и п. 48 Декларативной части Директивы INFOSOC. Технологические меры подлежат охране лишь в той мере, в какой они не выходят за пределы, необходимые для достижения основной цели: предотвращение или исключение действий по использованию произведений без согласия правообладателя. Поэтому, указал Суд ЕС, в каждом случае необходимо выяснять, могли ли быть применены иные меры или средства, которые обеспечили бы сходную самозащиту права с меньшим ограничением действий, не требующих согласия правообладателя. В расчет также принимается размер затрат на альтернативные варианты мер, технологические и практические аспекты их внедрения, сравнение эффективности самозащиты прав. И если окажется, что правообладатель выбрал для самозащиты своих прав технологические меры, чрезмерно ограничивающие свободу пользователей, которую предоставляет им закон, то суд вправе отказать правообладателю в защите таких технологических мер от обхода. Выходом за пределы допустимой охраны будет установление

правообладателем таких технологических мер самозащиты, которые препятствуют эксплуатации устройств, компонентов, технологий, имеющих существенное коммерческое назначение помимо обхода мер самозащиты.

5. Разумное и отвечающее рыночным условиям вознаграждение авторам и правообладателям, исключение монополизации при доступе к произведениям в цифровой форме, применение концепции FRAND

Следуя сложившейся международной традиции [6], законодатели стремятся установить узкие рамки (трехступенчатый тест) для изъятий из авторских прав, чтобы не допустить чрезмерного ограничения интересов правообладателей. Тем не менее, сами изъятия из авторского права нуждаются в усилении защиты, чтобы преодолеть неэффективность, устанавливаемую правообладателями различными способами или уловками. Последнее приводит к необоснованному усилению позиций правообладателей в ущерб пользователям произведений в цифровой форме, как это имеет место в случае с применением технологических мер защиты (TPM). Суд Евросоюза в решении по делу *Sky Österreich GmbH v Österreichischer Rundfunk* [37] обратил самое настоятельное внимание к насущной необходимости находить баланс интересов общества и правообладателя. В обосновании частноправовых отношений в сфере авторского права Суд указал, что в данной правовой сфере применимы принципы FRAND, аналогично тому, как эти принципы применяются в патентном праве. Суд использовал такое понятие, как «на справедливых, обоснованных и не дискриминационных условиях» (*on fair, reasonable and non-discriminatory terms*, на условиях FRAND). В сфере патентного права владельцы прав на технологии, которые признаны основополагающими и включены в те или иные отраслевые стандарты, обязаны выдавать всем заинтересованным лицам лицензии на условиях FRAND. Т.е. правообладатели не должны использовать свое приоритетное положение для извлечения выгод, нарушающих принципы свободной конкуренции. Потенциальные получатели лицензии вправе обратиться в суд, если посчитают условия предлагаемой им лицензии неразумными и несправедливыми. Существование схожих

условий лицензирования в европейском авторском праве должно быть, по решению Суда, не менее значимо. В решении по данному делу Суд счел недопустимым взимание правообладателем компенсации в размере большем, чем требуется для технологического предоставления доступа, несмотря на требование правообладателя на гораздо большее вознаграждение. Как подчеркнул Суд, такая фундаментальная свобода, как свобода ведения предпринимательской деятельности, все-таки может быть в ряде случаев ограничена государством в общественных интересах. Когда позиция одной из сторон лицензионного договора совпадает с потребностями общества в целом, она может и должна быть усилена законодателем. Даже если это нарушит относительное равновесие экономических потенциалов сторон.

Выводы

Начиная с появления и распространения цифровых технологий и сетей, авторское право на произведения в цифровой форме накопило достаточный опыт формулирования своих проблем и поиска решения этих проблем.

В среде законодателей сложилось понимание того, что центральное право всего авторского права – право копирования произведения – должно быть реформировано. Направления такой реформы задаются преемственностью подходов в регулировании авторского права при возникновении и распространении очередной волны технологических инноваций, влияющих на само авторское право, с одной стороны, и конкуренцией интересов правообладателей и пользователей произведениями в цифровой форме, с другой стороны.

Дополнительную сложность при решении проблем авторского права в цифровой среде придает то, что само авторское право является комплексным институтом права, в котором присутствует регулирование, как мерами частного права, так и мерами публичного права. В конкуренции интересов правообладателей и пользователей, каждая из конкурирующих сторон настаивает на имплементации в законодательства таких мер регулирования, которые в большей степени находятся на страже их конкретных интересов. Правообладатели выступают за приоритет административно-правовых

и уголовно-правовых мер, пользователи – за гражданско-правовые и договорные меры.

Опыт имплементации международных нормативно-правовых актов по цифровому авторскому праву в национальные законодательства, а также правоприменительная практика, продемонстрировали как положительные, так и отрицательные стороны обоих подходов. Общим для понимания законодателей, специалистов правоприменительной сферы, деловых и общественных организаций, отстаивающих интересы правообладателей и пользователей, стало понимание того, что требуется выработка такого подхода в цифровом авторском праве, в котором интересы правообладателей и пользователей произведениями в цифровой форме находятся в равновесии.

Законодатели ЕС и европейских стран обратили свое пристальное внимание на приоритетное использование правовых механизмов лицензирования и меньшее использование ограничительных мер. В судебной практике Суда ЕС и европейских стран также сформулированы различные аспекты поддержания искомого баланса интересов.

В настоящее время, правовое регулирование баланса интересов правообладателей и пользователей основывается на следующих принципах и подходах: пропорциональность мер по защите авторского права; приоритетное использование мер гражданско-правового регулирования; гармонизация списка изъятий и исключений из авторского права, с учетом общественных интересов; сочетание технологических мер защиты с устоявшимися правовыми традициями и существующими законодательствами; разумное и отвечающее рыночным условиям вознаграждение авторам и правообладателям.

Conclusions

From the moment of emergence and dissemination of digital technologies and networks, the sphere of copyright related to objects in digital form has accumulated a sufficient experience in formulation of its own problems and searching ways of their solutions.

Legislators have become keenly aware that the key right in the sphere of copyright, i.e. the right to produce copies, should be reformed. The range of

this reform is under the influence of continuity of approaches to the regulation of copyright related to a current wave of technological innovations crucial for the copyright itself, on the one hand, and a competition of interests of right holders and user of objects in digital form, on the other hand.

Additional complexity in searching solutions of the digital copyright is linked to the fact that the copyright itself is a complex institution of law combining legal regulation by measures of both private and public law. In the competition of interests between the right holders and users, each competitor insists on implementation of such measures of legal regulation, which are in conformity with their own interests. The right holders support administrative and penal measures of regulation, but the users are for civil and contractual measures.

The experience of implementation of international treaties on digital copyright into national legislatures and an appropriate enforcement have shown both positive and negative sides of both abovementioned approaches. However, legislators, enforcement bodies, business and public organizations of the rights holders and users – they have come to a joint understanding that it is necessary to work out an approach, in which interests of the rights holders and users of works in the digital form should be in balance.

Legislators of the EU and European countries have paid more attention to the priority use of the legal mechanism of licensing and a less attention to the use of the restrictive legal mechanism. The Courts of the EU and European countries have also formulated different aspects of maintenance of the desired balance of interests.

At present the following principles and approaches of legal regulation of the balance of interests of rights holders and users of objects in digital form are applied: proportionality of measures for defending the copyright, the priority use of civil measures, harmonization of the list of exceptions from copyright subject to public interests, combination of technical protection measures and grounded national legal traditions and legislations, reasonable compensation for authors and right holders under market conditions.

References:

1. The Digital Millennium Copyright Act of 1998.
2. Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society. Official Journal L 167, 22/06/2001 P.0010-0019.
3. Copyright in the Information Society / A Guide to National Implementation of the European Directive // Ed. by Brigitte Lindner, Ted Shapiro. 2011, Edward Elgar Publishing Ltd., 648 pp.
4. Strozhev, M. Problems of strict liability in digital copyright protection // Journal «Administratīvā un Kriminālā Justīcija», Nr.2, 2012, pp.80-87.
5. Strozhev, M. Legal problems of distribution in the reform of copyright for works in digital form // Baltic Journal of Law, № 1/2, 2013, 124.-131.pp. (Строжев М. Правовые проблемы дистрибуции в реформе авторского права на произведения в цифровой форме // Балтийский юридический журнал, № 1/2, 2013, с.124-131.)
6. Strozhev, M. Reform stricter use of copyright to works in digital form, the model for the Project (Строжев М. Реформа использования авторского права на произведения в цифровой форме: от модели к проекту) / International scientific and practical conference «The transformation process rights, the regional economy and economic policy» (7 December 2012) Collection of papers // Riga, BSA, 2013, 254-262.pp. (Starptautiskā zinātniski praktiskā konferences «Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomikā un ekonomiskajā politikā» (2012. gada 7. decembrī) rakstu krājumā. – Rīga, BSA, 2013. – 254.-262.lpp.)
7. Strozhev M. Legal reform of collective management of copyright in the work in digital form // III International young researchers and students in scientific and practical conference «Challenges and opportunities for the region: problems, solutions and prospects» symposium. Collection of papers // Rezekne, BSA, 2013 16-May, 317-322.pp. (III Starptautiskā jauno pētnieku un studentu zinātniski praktiskā konferences «Izaicinājumu un iespēju laiks: problēmas, risinājumi, perspektīvas» rakstu krājums. Rēzekne, BSA, 2013.gada 16.-17.maijā. – 317-322.lpp.)
8. Copyright and the Challenge of the New / Information Law Series. Vol.25 // Ed. by Brad Sherman, Leanne Wiseman. 2012, Wolters Kluwer Law International, 298 pp.
9. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886.
10. Universal Copyright Convention of 6 September 1952.
11. The German Copyright Act of 1965.
12. Convention Establishing the World Intellectual Property Organization of July 14, 1967.
13. Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights of April 15, 1994.
14. WIPO Copyright Treaty of December 20, 1996.
15. WIPO Performances and Phonograms Treaty of December 20, 1996.
16. The Copyright Law of the United States of America.
17. Council Directive 91/250/EEC of 14 May 1991 on the legal protection of computer programs. Official Journal L 122, 17/05/1991 P. 0042-0046.
18. Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases. Official Journal L 77, 27/03/1996, p. 20-28.
19. The Copyright Law. Parliament adopted on 6 April 2000. Delivered April 27, 2000.
20. Case C-128/11. UsedSoft GmbH v Oracle International Corp. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 July 2012.
21. The GNU Project by Richard Stallman. <http://www.gnu.org/gnu/thegnuproject.html>
22. Breindl Y., Briatte F. Digital Network Repertoires and the Contentious Politics of Digital Copyright in France and the European Union. In: «Internet, Politics, Policy 2010: An Impact Assessment», Oxford Internet Institute, 16-17 September 2010.
23. Anti-Counterfeiting Trade Agreement. Consolidated Text Public Predecisional / Deliberative Draft: April 2010 Prepared for Public Release.
24. Civil Procedure Law. Parliament adopted on 14 October 1998. Delivered on November 3, 1998.

25. Directive 2004/48/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights. Official Journal L 195, 02/06/2004, p.16–25.
26. Strozhev, M. Works in digital form: the analysis of the structure and applicable law / The II International scientific and practical conferences «The transformation process of law, regional economics and economic policy: economic – political and legal relations and current problems» (10 December 2013) Collection of papers // Rīga, BSA, 2014. (Строжев М. Произведение в цифровой форме: анализ строения и применимое право // II Starptautiskā zinātniski praktiskā conferences «Transformācijas process tiesībās, reģionālajā ekonomikā un ekonomiskajā politikā: ekonomiski – politisko un tiesisko attiecību aktuālās problēmas» (2013. gada 10. decembrī) rakstu krājums // Rīga, BSA, 2014.)
27. Grudulis M. Introduction copyright. // Rīga, The Latvijas Vestnesis, 2006. (Grudulis M. Ievads autortiesībās. // Rīga, Latvijas Vēstnesis, 2006.)
28. Dozortsev, V.A. Intellectual rights. Concept. System. Objectives of the Codification. Coll. Articles / Issled. Center of Private Law // M., Statute, 2003, 416 p. (Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. Сб. статей/ Исслед. центр частного права. – М., Статут, 2003. – 416 с.)
29. Case C-275/06. Productores de Música de España (Promusicae) v Telefónica de España SAU. Judgement of January 29, 2008.
30. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market («Directive on electronic commerce»). Official Journal L 178, 17/07/2000 P.0001-0016.
31. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications). Official Journal L 201, 31/07/2002 P. 0037 – 0047.
32. Case C-101/01. Criminal proceedings against Bodil Lindqvist. Judgment of November 6, 2003.
33. Case C-305/05. Ordre des barreaux francophones et germanophones and Others v Conseil des Ministres. Judgment of June 26, 2007.
34. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. Official Journal L 281, 23/11/1995 P. 0031 – 0050.
35. Report of the Federal Council for the illicit use of works on the Internet in compliance with the postulate 10.3263 Savary. Copyright infringement on the Internet: The existing legal framework is sufficient. Press Release, The Federal Council, 30.11.2011. (Bericht des Bundesrates zur unerlaubten Werknutzung über das Internet in Erfüllung des Postulates 10.3263 Savary. Urheberrechtsverletzungen im Internet: Der bestehende rechtliche Rahmen genügt. Medienmitteilungen, Der Bundesrat, 30.11.2011.)
36. Case C-355/12. Nintendo Co. Ltd, Nintendo of America Inc., Nintendo of Europe GmbH v PC Box Srl, 9Net Srl. Judgment of 23 January 2014.
37. Case C-283/11. Sky Österreich GmbH v Österreichischer Rundfunk. Judgment of 22 January 2013.